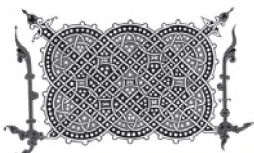


# РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ



О. В. Кириченко

## Рецензия на книгу Н. К. Чернышевой «Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.)». Новосибирск, 2009. – 536 с.

Монография Надежды Константиновны Чернышевой относится к заметному явлению современной гуманитарной мысли, исследующей вопросы русской православной агиографии. По сути, автор впервые предлагает взглянуть на проблему агиографии комплексно, показывая святость как энергию созидания на конкретном месте, начиная от истоков формирования «культурного гнезда» на месте подвигов святого Иннокентия Иркутского до обозначения макро-пределов этого явления, которые обозначаются понятием «Святая Русь». Н. К. Чернышева берет за основу исследования исторический процесс формирования агиологических текстов, посвященных жизнеописанию святителя Иннокентия Иркутского. Читатель вслед за автором попадает не совсем в обычную лабораторию агиографического творчества. Это лаборатория еще мало описана исследователями, хотя на этом поприще вышло уже немало интересных работ<sup>1</sup>. К особенностям метода работы Н.К. Чернышевой следует отнести особое отношение к тексту, он не господствует над автором исследования, а скорее служит научной базой для оправданно смелых

выходов за текстовое пространство, в область этнографии, истории, литературы, культурологии, краеведения. Вот почему, при том что в книге проведена кропотливая текстологическая работа над редакциями житий, читатель видит рядом с текстами житий и их создателей, и историческую и бытовую обстановку, и может наблюдать логику созидания новых текстов житий.

В первой главе «Ранние жития свт. Иннокентия и формирование книжной и рукописной традиции почитания святого» автор сосредотачивает внимание на личном вкладе свт. Иннокентия в культурную жизнь города и региона. Речь идет о нескольких феноменах: проповеднической деятельности святителя, собирании им библиотеки и ее судьбе в последующий исторический период; учреждении школ для детей, круг архипастырской и миссионерской деятельности святителя. В данном случае исследователь, по сути, создает свой идеальный вариант жития святителя Иннокентия, где все учтено, обозначено и систематизировано. Ведь никто из тех, кто участвовал в создании новых житий, такую задачу перед собой не ставил. Теперь же многие оригинальные выводы

<sup>65</sup> Федотова М. А. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) (тезисы доклада) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2007. № 3 (29). С. 114–115; Она же. Димитрий Саввич, святой // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 8–17, 18–23; Она же. К вопросу о Житии Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. Т. 58. СПб., 2007. С. 366–383; Она же. Житие Саввы Вишерского, Иов Новгородский, Савва Вишерский // Великий Новгород: история и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 179, 225, 425–426. Она же. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 273–310; Она же. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории текста) // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 150–182. Клосс Б. М. Избранные труды. Житие Сергия Радонежского. Т. I. Очерки по истории русской агиографии. Т. II. М., 1998. Громыко М. М. Старец Феодор Кузьмич Сибирский (Томский) — император Александр I Благодословенный. М., 2009.

автора вполне могут быть использованы в самых разных целях: дальнейшей популяризации трудов свт. Иннокентия, научной, художественной и духовной деятельности нового поколения людей, интересующихся жизнью и творчеством великого деятеля Русской Православной Церкви.

Автор монографии отмечает, что собственно плодотворнейшая архипастырская деятельность свт. Иннокентия, в том числе его глубоко подвижническая личная жизнь, стали основой для дальнейшего весьма многогранного процесса созидания культурного гнезда в Иркутске. Поскольку данная глава самым непосредственным образом посвящена текстологическому анализу редакций, автор здесь подробно показывает лабораторию агиографического творчества. Мы наблюдаем вслед за автором, как и за счет чего шло постепенное расширение источниковой базы для новых вариантов жития. При этом первоначальный, исходный текст все время служил необходимой основой для создания последующих вариантов. Автор обращает внимание и на то, что со временем житийный текст становился основой для биографического, в пору создания биографических словарей и это также важный культурный момент, имеющий отношения к агиографии в целом. В. О. Ключеский сетовал на то, что жития в силу их стандартности, клишированности дают историку минимум «биографической информации». Н. К. Чернышева отмечает, что житие свт. Иннокентия, как и средневековые жития, имеет свой стандартный набор, характерный для древнерусских житий. Вместе с тем здесь много конкретной исторической информации, поскольку почитателей памяти святителя интересовали эти подробности. Например, сюжеты, связанные с отъездом святителя в Китай, и перипетии вокруг его вынужденной задержки.

Вторая глава «Почитание святого Иннокентия и формирование иркутского “культурного гнезда” и культурное пространство страны», посвящена озвученной в научной литературе идее культурного гнезда. Но при этом автор значительно расширяет и углубляет это понятие. До этого культурное гнездо рассматривалось несколько в другом ключе. Фигура святого никогда не была объектом культурологической и этнографической интерпретации, как творца культурного гнезда. Это новаторский прием, примененный автором и принесший немало интереснейших выводов. По сути, автор наталкивает читателя на мысль об иерархии культурных гнезд, об особом значении таковых, созданных вокруг фигуры святого или святых, подвижников, о важности для формирования полноценного культурного гнезда такой фундамен-

тальной основы, как святыня или же святой. Не случайно этот мотив вполне сознательно реализовывался при основании новых городов в Древней Руси. Это традиция существовала вплоть до Петра Великого, который при основании Санкт-Петербурга, заложил в яму ковчежец с мощами св. апостола Андрея Первозванного и сверху установил крест. В данном случае почитание свт. Иннокентия Иркутского в Сибири сделало город местом, куда устремлялись и мыслью и реальным поклонением людские потоки в течение нескольких веков. Это духовное движение, нашедшее яркое отражение в текстах, и стало основой для создания культурной инфраструктуры Иркутска.

Святой, как основатель культурного гнезда, делает это по-своему, не так это получается у известных деятелей художественной культуры. Именно «делает», потому что в этом главное и самое существенное отличие святого как творца культурного гнезда. Он «зовет» к себе почитателей, не только опосредованно, через тексты (его и о нем), через память о земной жизни, через славу великого художественного творца, но — непосредственно. Благодать святого, на месте его упокоения, на всем, связанном с его именем и памятью, и является той «зовущей» силой (и автор это прекрасно показывает), которая делает зов непосредственным и однозначно субъектным. Люди приходят к святому не как к «памяти», а как к живому, когда просят его молитв, помощи, участия. И в этом случае процесс агиографического творчества существенно отличается от литературоведения.

В агиографии существенное значение имеет аспект народного почитания святого. Для чего автор монографии обращается к различным формам этого почитания у народа. Первенствующее значение имеет в народной стихии почитания паломничество к свт. Иннокентию с различных мест Сибири. Другой формой почитания является создание текстов о святом Иннокентии. Этот процесс длился практически весь исторический период, через некоторое время после кончины святого, начиная с 1805 г. и кончая 1919 г. Далее автор монографии выделяет общероссийские центры почитания святителя и вслед за этим переходит к рассмотрению российско-украинских связей. Таким образом, выделяются несколько форм почитания свт. Иннокентия, способствовавших созиданию «иркутского гнезда»: это 1) и чисто народная, условно говоря, молитвенная, богомольная, 2) текстовая и 3) территориальная (связь с родиной святителя). В этом и заключается специфика исторического формирования культурного гнезда вокруг памяти святого. При этом автор говорит, что импульс

к созиданию культурного гнезда задал уже сам святитель, при жизни, когда создавал первую в Сибири библиотеку, школу и ряд других культурных традиций. Таким образом, Н. К. Чернышевой в данной главе было наглядно продемонстрировано, что агиография во многом определила культурное лицо традиционного Иркутска.

В третьей главе «Жития святого Иннокентия как отражение эволюции жанра» автор обращает внимание на жанр агиографии как явление, способное изменяться, трансформироваться, подчиняться закону времени. Эта глава весьма ярко характеризует исследовательские приоритеты автора монографии, не только как историка и текстолога, но и как прекрасного знатока русской православной агиографической традиции. Глава получилась историографически насыщенной, затрагивающей многие вопросы, касающиеся агиографии, как научного направления, впервые. Автор впервые говорит о тесной связи агиографии XIX в. с научной мыслью. В научном ключе работали как светские агиографы, так и церковные богословы. Проблема трансформации житий в новое время, столь древнего и консервативного жанра, проходила достаточно корректно и осторожно. Н. К. Чернышева показывает, что менялись лишь незначительные части житийных текстов (заменялись ораторские предисловия на историографическую часть). В целом же научные методы не разрушали традицию, а скорее добавляли новое в старые формы. Новые авторы житий опирались на разные источники, широко пользовались историческими сочинениями, обращались к официальным церковным документам (например, «Духовному Регламенту»), богослужебной литературе (службе святому и написанным на ее основе акафистам). Научные методы помогали и разысканию новых фактов (их обработке, анализу), и возможности реконструировать биографию святителя Иннокентия, обращаясь к косвенным историческим источникам. Автор отмечает, что внимание агиографов все более сосредотачивалось на аскетической стороне жизни святителя и выяснении истоков его подвижничества. Расширение рамок новых житийных текстов шло главным образом за счет углубления исторического фона эпохи, в которую жил свт. Иннокентий.

В данной главе автор приходит к важному выводу общего характера, о связи возрождения агиографического жанра с процессом возрождения традиций духовной жизни в России XIX в. Общественный, всё возрастающий интерес к агиографии хотя и связан был с научными успехами, но зависел в первую очередь от перемен в церков-

ной жизни. Эти признаки активизации духовной жизни в Сибири были налицо. Совершенно справедливо акцент при этом делается на исихазме как главном признаке этих перемен. Наиболее крупные агиографы не могли не быть в числе тех, кто сам стоял у истоков этих процессов и способствовал своей деятельностью пробуждению интереса к аскетике и жизни святых. В заключительной части третьей главы Н. К. Чернышева приходит к фундаментальным итогам своей монографии: тот агиографический ренессанс, что был связан с именем свт. Иннокентия Иркутского, указывает на то, что агиография в России к середине XIX в. вышла на новый этап. В общероссийском масштабе это явление только начинает изучаться, и тем ценнее путь, пройденный новосибирским автором. Н. К. Чернышева отмечает, что агиография нового времени имела целенаправленный характер, несмотря на разнообразие круга авторов-агиографов и задач, которые они ставили перед собой. Все агиографы сходились в одной точке соприкосновения, в одном понятии — Святой Руси. Это была общая деятельность по актуализации понятия «Святая Русь»! Агиография была важнейшим вектором многосоставного процесса по возвращению в общественное сознание высоких духовных идеалов прошлого, достояния всего русского православия, как церковного и общенародного достояния.

Четвертая глава «Деятельность Иркутского церковного братства во имя святителя Иннокентия по прославлению святого. Издания братства» носит уже более частный характер, чем предыдущая глава. Тем не менее в ней нашёл отражение ещё один важный аспект, необходимый для понимания специфики функционирования агиографии в общественной среде. Ведь это научно-богословское направление не было узкокабинетной деятельностью, рассчитанной на ограниченный круг специалистов, оно скорее напоминало «агиографическое поле», на котором велась многообразная деятельность, неустанно трудились сотни людей, шла активная практическая работа. Рассматривая труды братства во имя свт. Иннокентия под углом зрения «сохранения памяти о святом», автор говорит о важности практической стороны, сопровождающей агиографию, что дополняет и расширяет наше понимание о градообразующей роли святого Иннокентия как творца «культурного гнезда» Иркутска. Руководители братства и братчики видели себя особо ответственными за духовное наследие свт. Иннокентия и тех традиций, которые он заложил. Революции 1905 и 1917 г. показали то, насколько важна и общественно полезна была деятельность братства.

Монографию Н. К. Чернышевой отличает живое изложение, искренняя и глубокая заинтересованность автора в неформальном раскрытии предмета исследования, желание донести до читателя (хотя и научным языком) свое удивление и восхищение чудом образа святого Иннокентия. Это же чувство, несомненно, двигало и теми агиографами, которые писали о жизни святого. Автор не со стороны, «объективно и беспристрастно», а изнутри представил читателю картину агиографического дискурса, связанного с именем свт. Иннокентия, что позволяет говорить о том, что агиографическая традиция продолжается и ныне, уже как плод достижений науки начала XXI в.

Книга сопровождается обширным приложением, небезынтересным читателю, поскольку многие представленные тексты сегодня малодоступны. Здесь же много ценных библиографических данных о конкретных людях, имевших отношение

к агиографии свт. Иннокентия. Оригинальным представляется и подготовленная автором схема взаимосвязи житийных текстов, где зримо прослеживается описанная в тексте агиографическая эстафета десятков светских и церковных имен, объединенных общим творчеством.

Монография Надежды Константиновны Чернышевой, безусловно, яркое и новое явление в научной агиографии, на которую будут ориентироваться многие последующие исследователи. Творческая лаборатория агиографов еще только приоткрывает свои завесы, и здесь ученых ждет множество открытий; перспективным становится рассмотрение значения подвижников и святых для цивилизационных процессов в России и влияния агиографии и агиологии на религиозное воспитание русского народа. Фундаментальный труд Н. К. Чернышевой дает возможность выйти на новый уровень понимания проблемы агиографии в России.

